

> МАГИСТРАЛЪ >

КРИСТИНА СТЕД

Человек, который любил
детей

Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
С79

Christina Stead
THE MAN WHO LOVED CHILDREN

Copyright © Christina Stead 1940
This edition is published by arrangement
with Peters, Fraser and Dunlop Ltd. in association with Pollinger Limited and
The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Ирины Новоселецкой*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Стед, Кристина.
С79 Человек, который любил детей / Кристина Стед ; [перевод с английского И. Новоселецкой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 576 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-221835-4

Что произойдет, если девочка-подросток будет жить с отцом-самодуром, истеричной мачехой и пятью сводными братьями и сестрами? Убийство.

Луи нелегко. Она старшая в семье. На ее попечении младшие дети. Мачеха постоянно кричит, жалуется на бедность, мужа и судьбу. Ее пожирают тайны и долги. Отец выдумал свой собственный мир. В нем он гений. По его указке идет дождь, а во дворе растет Дерево Желаний. Родители постоянно скандалят. Их ненависть выплескивается на детей. Луи устала от этого. Придет время, и она поймет, что нужно сделать.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Новоселецкая И., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-221835-4

ГЛАВА 1

1. Хенни приходит домой

В тот июньский субботний день дети Сэма Поллита с обеда до самого вечера гоняли на роликах по грязным тротуарам и старому залатанному асфальту на улицах Р-стрит и Резервуар-роуд, пролегавших вдоль их семейных владений — большого участка земли с высокой травой, где стоял Тохого-Хаус — их дом, а сами все время высматривали отца. Обычно им не позволялось беспечно носиться по улицам, но Сэм с группой натуралистов на Потомакских скалах искал ящериц и саламандр, и дома его ждали поздно; их мать, Генриетта, была в городе; Бонни, их молодая тетья и служанка в одном лице, на полдня взяла выходной. Они были оставлены на попечение Луизы, их единокровной сестры одиннадцати с половиной лет, самой старшей из детей в семье. Строгая и заботливая с братьями и сестрой при родителях, Луиза, когда оставалась за старшую, не слишком донимала младших своим вниманием, предпочитая слушать их крики издали, — читала книжку, лежа на животе в саду, или слонялась по дому, предаваясь мечтам.

Солнце, видневшееся в просвете между облаками, нырнуло в виргинский лес; затарахтел узкорот¹; воздух напитался влагой. С трамвайной остановки, нагруженная пакетами, шла мама. Потные, раскрасневшиеся дети, углядев мать с разных углов, тотчас же кинулись к ней, обступили со всех

---

¹ Узкорот (микровакша) — относится к семейству бесхвостых земноводных. (Здесь и далее примечания переводчика).

сторон, сопровождая домой. Весело щебеча, они на роликах выписывали вокруг нее разные фигуры, хватались за ее юбку, на что она реагировала с чинным раздражением:

— Приехала домой и что я вижу?! Мои дети носятся по улицам сломя голову, как бесенята!

Вслед за матерью они влетели в дом, натащили грязи, гомоня на все лады — строили догадки, задавали вопросы, пересказывали истории, услышанные от других детей, делились своими планами на следующий день. Луи, внезапно вспомнив про картошку с фасолью, прокралась в дом через «черный ход». На тумбочке в прихожей лежало письмо, адресованное Генриетте — «Миссис Сэмюэль Клеменс Поллит». Хенни взяла его, вскрыла и пошла читать в вытянутое помещение столовой, пробормотав с улыбкой:

— Придурок!

— Мама, от кого это? От кого? — спросил Сол, старший из семилетних двойняшек, свесившись со спинки стула. Его брат-близнец Сэмюэль, с соломенными волосами, стал выдергивать сумочку из руки матери, приговаривая:

— Дай сумку посмотреть, дай сумку посмотреть!

Хенни наконец услышала его, выпустила из руки старую потертую сумочку из воловьей кожи и углубилась в чтение письма, не обращая на сыновей ни малейшего внимания. Те издавали возбужденные возгласы, рассматривая ее ключи и косметику, а десятилетний Эрнест, ее первенец, пересчитав и разложив по маленьким кучкам деньги матери, пронизательно заявил:

— У мамы два доллара восемьдесят два цента. Мама, когда ты уходила, у тебя было пять долларов шестнадцать центов и марка. Что ты купила?

— Горячий чай, горячий чай! Посторонись! — услышали они напевный голос Луизы и чуть сдвинулись за столом. Луи осторожно обошла братьев и поставила перед мачехой большую чашку чая.

— Никто не приходил, не звонил?

— Краску принесли, мама. — Луиза остановилась в дверях. — В прачечной стоит.

— Он что, красить завтра собирается, бардак хочет устроить? — возмутилась Генриетта.

Не ответив, Луи медленно пошла из комнаты.

— Мама, ты потратила два доллара тридцать четыре цента. Что ты купила?

— Ма, а что в этом пакете? — любопытствовала Эви.

— Ой, отстаньте. Вы еще хуже, чем ваш отец.

Генриетта сняла перчатки и принялась маленькими глоточками пить чай. Стул, на котором она сидела, был *ее* стулом, и гости тоже всегда старались его занять. Стул этот имел прямую спинку, но был удобным, не очень низким и стоял между угловым окном и скамейкой с мягким сиденьем вдоль западной стены. Дети усаживались в ряд на этой скамейке и словно замороженные внимали гостю или гостье, которые рассказывали что-нибудь о своей жизни. Любой из гостей, сидя на этом стуле, неизменно тушевался, когда делился своими невзгодами и тревогами. Бывало, глупо пошутив, неожиданно раздражался грубоватым смехом, сыпал пошлыми банальностями. Однако при этом их гости, все как один, мнили себя важными особами, жили, как они считали, в самой гуще событий — с кем-то ссорились, бранились, с любимыми ворковали, вставляли зубы, носили очки, делали операции... Дети сидели на скамье и слушали гостей, раскрыв рты, пока Хенни их не одергивала:

— Мух, что ли, ловите?

А вот когда там сидела Хенни, все было чин чинком, и создавалось впечатление, как будто в доме никого нет, как будто это — потемневшая от времени старая добрая картина, которая висела на стене на протяжении многих поколений. Если Сэма не было дома, особенно в послеполуденные часы, Хенни усаживалась на стул, возле кухни, где у нее всегда под рукой был горячий чай, и следила за плитой, на которой готовилась пища. Дети, примчавшись из школы или сада, заставляли ее на этом стуле. Худенькая, усталая, она тихо сидела, обхватив руками горячую чашку; пальцы у нее были длинные, а на тыльной стороне ладоней из-под оливковой кожи проступали вздувшиеся вены. Или, ловко орудуя спицами, вывязывала шерстью *свои* узоры на чепчиках и башмачках для младенцев, которые постоянно появлялись на свет в этом отдаленном мире. При виде детей она веселела и выпаливала скороговоркой с присущей ей девчачьей ма-

нерностью: «Дураку — удача, бедняку — дети, Восточному побережью — крабы, неграм — собаки». И добавляла: «Удивляется мышонок, глазки лапой трет спросонок. Вкус хорош, но столько дыр! Очень странный этот... что?» Задавая им загадку, она озорно улыбалась, хотя любой из них ответ мог дать с ходу, не раздумывая, ибо арсенал головоломок у Хенни был невелик. Однако такую милую болтовню они слышали от матери лишь тогда, когда папы не было дома.

Но бывало, они заставляли маму некрасивой — с собранными на затылке волосами, в очках. Склонившись над белой льняной скатертью (другие Хенни не признавала, считая, что цветное столовое белье — это *пошлость*) с пятнами от кофе, она штопала дырки на одежде или чинила кружевные накидки, которые привезла из Монокиси — из дома в Балтиморе, где жила раньше. И она, подняв голову от шитья, рывкала: «Чего вытарацились? Вот сейчас отшлепаю, будете тогда знать!» или: «И слышать ничего не желаю про ваших благословенных змей. От них одни несчастья, а он сюсюкает с ними, как с детьми малыми».

Сейчас Хенни послала маленькую Эви за кремом для рук и пилкой для ногтей. Та кинулась исполнять мамино поручение, а Хенни принялась с недовольным видом рассматривать свои роскошные отполированные ногти, сетуя, что на них крапинки, а одна лунка поранена.

— И зачем только я пошла к той женщине в пассаже? Она порезала мне кутикулу.

— Мама, у тебя на чае деньги! — радостно сообщил ей Сол.

— Ой, здорово. — Хенни осторожно зачерпнула чайной ложкой кружочек пены и поднесла ее ко рту, но пузырьки рассеялись, и она раздраженно воскликнула: — Ну вот, денег теперь не будет. — Чашка, из которой она пила, была старинная, из тяжелого фарфора, с надписью «Мама» в обрамлении розовых кустов. Эту чашку отец увидел в лавке старьевщика близ Пи-стрит и настоял, чтобы они купили ее Хенни на прошлый день рождения.

Хенни сидела с мечтательным видом, держа письмо на коленях. Она никогда не выказывала нервного возбуждения, подобно Поллитам, родственникам мужа, которые, по ее

словам, «вечно металась, будто куры с оторванными головами». Грациозная, томная, сидела в полнейшем спокойствии и разве что водила пальцами по скатерти, очерчивая узоры на дамастной ткани, или, поменяв позу, подпирала ладонью голову и смотрела куда-то перед собой — привычка, свойственная многим, но у Хенни это получалось излишне театрально, а все из-за того, что у нее были большие ясные глаза и тонкие, высоко изогнутые черные брови. Чем-то она напоминала высокого журавля, который стоит у реки, поджав одну ногу, и прислушивается. Обычно она неотрывно смотрела на некое свое видение, а потом вдруг закрывала глаза. Наблюдавший за матерью ребенок (а кто-нибудь из детей всегда находился рядом) видел только зачехленное в кожу выпуклое глазное яблоко, утопающее в сгибах глазницы, которую окольцовывал темный круг, и над ним — высоко расположенную бровную дугу. Сама кожа, не озаряемая блеском глаз, имела свой естественный тон — жженой оливки. Сложенные в сердитую складку обесцвеченные губы и тонкий не прямой нос с презрительно раздувающимися трепещущими ноздрями, как у азартного игрока, удлинляли овал ее лица, так что казалось, будто сухая кожа натянута на нем донельзя. В такие мгновения, когда Хенни уходила в себя и сидела, словно изваяние, она выглядела грозной, неприступной. Потом она открывала глаза, а в них сквозили ненависть, ужас, страсть или насмешка. И дети (хорошие дети, по мнению окружающих) на цыпочках подходили к ней сбоку, стараясь не разгневать мать, и спрашивали: «Ма, можно Уйти к нам придет?» или что-нибудь такое, а она, вздрогнув, вскрикивала: «Вы зачем подкрадываетесь?! Шпионите за мной, как ваш отец?!», или: «Ух, дьяволята! Уйдите с глаз моих, пока не отшлепала!», или: «Зачем вы пытаетесь меня напугать? Думаете, это смешно?»

А в другой раз, как теперь, она сидела и скользила взглядом по комнате, переводя его с пыльной лепнины на рваные занавески, с гвоздя под оконным переплетом, оставшегося с минувшего Рождества, на ободранную клеенку у двери, протершуюся от маленьких ног, которые тысячи раз наступали на нее. И в лице ее не читалось беспокойства. Каждый столь хорошо знакомый предмет она рассматривала с интересом, почти с любовью, словно раздумывала, как бы все по-

чинить, привести в порядок, когда усталость пройдет, а чай и отдых вдохнут в нее новые силы.

Хенни никогда не жила в квартире. Она была женщина старомодная, придерживалась старомодных идеалов. Здесь она была в своей стихии. Хенни принадлежала этому дому, а этот дом принадлежал ей. Она была одновременно его пленницей и хозяйкой. С этим домом она была связана узлами брака. Въелась в каждую его половицу, в каждый камень. Каждая складка на шторах содержала в себе определенный смысл (возможно, они были присборены так, а не иначе, специально, — чтобы спрятать заштопанную дыру или грязное пятно). Каждая комната служила сосудом откровения, изливавшимся порой лихорадочными ночами в тайных лабораториях ее решений, где бурлили воспаленные раковые опухоли обид, лепрозные язвы разочарований, нарывы недовольства, гангрена зарок — «никогда больше», горячка развода, повторяющаяся каждые пять дней, и все множась болячки, гнойники и струпья, из-за которых плоть супружества укутывают в плотный покров и, как монашку, изолируют от внешнего мира (а вовсе не из страха, что кто-то позавидует ее неземным радостям).

Чашка с чаем дымилась в руках Хенни, на его поверхности по краям пузырилась коварная пена, которую никак было не собрать, и вместе с паром, рассеивающим иллюзии, перед глазами проносились тысячи ураганов, что сотрясали ее обособленное бытие. Она не смеялась над фразой «буря в чашке чая». Несколько резких жестоких слов о растраченных пяти центах для женщины имеют столь же большое значение, как и дебаты об ассигнованиях на военные нужды в Конгрессе: все десять лет гражданской войны бушевали в дымных речах конгрессменов, когда те осатанело визжали друг на друга; все змеи ненависти разом шипели, выплевывая яд. Стены камер исписаны стихиками узников, так и стены дома, где Хенни отбывала свое пожизненное заключение, покрывали надписи, невидимые, но выпуклые, подобно плетеным узорам на ткани. Здесь она сидела и раскладывала пасьянс. Солнце светило на карты и на зелено-красные квадраты линолеума. В отсутствие Сэма, если Хенни вдруг овладевала неумением, она брала двойную колоду карт, тасовала их с шумом, на-

поминающим отдаленную автоматную очередь, беспокойно хмурилась, снова тасовала и затем нетерпеливо раскладывала карты по четыре штуки. Все дети наблюдали, подсказывали, куда класть ту или иную карту, пока она добродушно не говорила: «Идите посмотрите, что в сумке!» Она и Луизу учила раскладывать пасьянс, предупредив, чтобы девочка не трогала карты, если отец дома.

Сэм пытался передать детям все свои знания и ворчал, что *мать* совершенно ничему их не учит. Тем не менее оба родителя в одинаковой мере влияли на сыновей и дочерей. Дети перенимали хитрости и понятия в соответствии с потребностями своего существования, даже не задумываясь о том, откуда им известно то или это, и уж тем более не обременяя себя чувством благодарности. И Хенни, видя, сколь они сообразительны, не брала на себя труд что-либо им объяснять. Она и сама была из той породы людей, которые все схватывают на лету. Хенни и гадала на картах, обычно за чаем, но только не детям. Предсказывая судьбу тете Бонни (двадцатипятилетней сестре Сэма, которая бесплатно помогала им по дому) или мисс Спиринг (своей незамужней школьной подруге), Хенни, пока раскладывала карты, всегда сопровождала свое действие увлекательной историей о том, как однажды она поехала в город, «ни жива ни мертва, с десятью центами в кошельке, хоть чужой сейф взламывай», и в трамвае с ней ехал «мужчина-замухрышка с рыбьим лицом и все норовил прижаться ко мне, а стоявшая с ним рядом вульгарная женщина-простолюдинка, великанша, бегемотиха с толстым задом и акульей улыбкой, все пыталась привлечь его внимание». И это чудесное приключение длилось часами, неизменно с участием все новых и новых ужасных персонажей. В их числе обязательно были женщина с коровьим лицом; и девушка, пугливая, как кролик; и хрычовка с соломенными волосами, которые торчали во все стороны, все равно что разворошенное сено; и женщина, замучившая Хенни своей глупой болтовней, и нахальные взбалмошные продавщицы; и воняющие дубильней (или рыбным рынком) официантки, которые так разозлили ее своим хамством, что она «показала им, где раки зимуют». На пути ей попадались мужчины и женщины, ее старые знакомые или друзья Сэма, которые

мнили, будто они с ней на «ты», а она либо просто проходила мимо, либо демонстративно не замечала, либо кивала издали, либо вежливо приветствовала, либо награждала хмурым взглядом, а иногда и злобным. Ей встречались смешные старые селадоны, меланхолики, и мерзкие распутники, и тошнотворные юнцы из Христианской ассоциации молодых людей; и женщины, худые, как палка; и мужчины, толстые, как бочка с салом; и женщины в блузках до того пышных, что ей хотелось проткнуть их иголкой, как воздушный шарик; и мужчины, ходящие на бровях; и женщины, пьяные вдрызг и ужасно неопрятные, будто их вывалили в муке. И все эти удивительные существа на улицах, в магазинах и ресторанах Вашингтона, которые нагло глазели или искоса поглядывали, толкались, пихались, источали вонь или удушающие парфюмерные ароматы, кричали, хвалились, бледнели от гневных взглядов Хенни, уклонялись и уворачивались, петляли и возвращались, составляли зримую вселенную их матери.

Какой же унылый, безотраднейший мир взрослых представлял взорам детей, когда они путешествовали с Хенни! И какой высоконравственный благородный мир окружал их отца! Но для Хенни существовал некий особый чудесный мир, и дети, когда ходили куда-то с матерью, тоже видели и рыбы глаза, и крокодилы улыбки, и всклокоченные волосы, напоминавшие березовый веник, и гнусных людишек, ползающих, как гусеницы, и детей, вертлявых, как угри. Видели все то, что видела она. Правда, Хенни предпочитала гулять одна: посещала барахолки, спрашивала молодого человека в библиотеке, что он посоветует почитать, пила чай в каком-нибудь захудалом ресторане, рассматривала витрины, бесцельно бродила по улицам, задаваясь вопросом, на какой из них, на той или этой, ей, «дряхлой карге», суждено сгинуть с лица земли. Потом она ехала домой, сидя в трамвае с какой-нибудь «фабричной девчонкой, которая внешне была что бутон лилии, но смердела, как тухлая капуста», и кокетничала со всеми мужчинами напрапалую, даже с каким-нибудь грубым грязным вонючим работягой, протискивавшимся мимо нее, или похотливым громилой, норовившим заплатить за ее проезд.

Луи сидела на конце скамьи и, рисуя в воображении эти картины, силилась представить, как бы она сама пережила

позор, если бы какой-нибудь похотливый громила вызвался оплатить ее проезд. Она восхищалась Хенни, проявлявшей недюжинную силу духа в скандальных ситуациях, и, слушая мачеху, лишний раз убеждалась в том, что низменный мир полон оскорбительных ужасов. Однако не одной Хенни приходилось отбиваться от оскорбительных мерзостей низменного мира. Такова была участь всех женщин. Взять хотя бы миссис Уилсон, каждый понедельник приходившую к ним стирать белье. Миссис Уилсон, «рослая, крепкая, как вол», терпела оскорбления от грубиянов-работяг с потными подмышками, бросавших на нее похотливые взгляды. Миссис Уилсон приходилось давать отповедь забывшимся бакалейщикам и ставить на место тощих полуголодных девиц, которых из-за палки не видно. Именно миссис Уилсон стала свидетельницей непристойного поведения Шарлотты Болтон (дочери адвоката, жившей в чудесном бунгало на противоположной стороне улицы): «миледи стояла подбоченившись, вертела задницей и, болтая с мужчиной, хохотала, как самая обычная уличная девка», а этот мужчина был «черный, как шляпа с изнанки, и с такой же черной кровью как пить дать». Луи, Эви и услужливые малыши, тягавшие ворохи грязной одежды по понедельникам и пыхтевшие под тяжестью стопок выглаженного белья по вторникам, на долгие часы умолкали, созерцая этот мир трагической феерии, в котором жили все их взрослые друзья. Сэм, их отец, бесконечно потчевал детей рассказами о друзьях и врагах, но в большинстве своем зачастую это все были порядочные граждане, женатые на порядочных женщинах, воспитывавшие хороших детей (хоть и невежественных). Никогда Сэм не встречал никого из вселенной Хенни — людей гротескных, зловонных, шумных, грубых, необразованных и лицемерных, возмутительных, безнравственных и лживых, финансово неблагополучных и физически безобразных, людей сомнительного происхождения, которые всегда идут по кривой дорожке и плохо кончают.

Порой, излив душу сестре, тете Хасси, или даже Бонни (хотя всех Поллитов она презирала), или своей близкой подруге мисс Спиринг, Хенни уходила, и наступала тишина, но через некоторое время по комнатам прислушивающегося дома начинали порхать ноты, округлые, как голуби, что кру-

жат над крышами домов в сонные послеобеденные часы, — мелодии Шопена или Брамса, извлекаемые медлительными твердыми пальцами Хенни. Сэм, бывало, вел себя нечестиво, но лишь в шутку. Хенни же в свою нечестивость вкладывала всю душу, добиваясь в этом своеобразной красоты: она не просила пощады, не умоляла о сострадании и сама никого не щадила в этом порочном мире. Рассказывая детям истории о мерзостях, доступных их разумению, она вовсе не стремилась их развратить — просто таково было ее восприятие окружающего. Как отец может дурачить детей, возмущалась она, подобной ложью и чепухой?

Стул, косо падающий дневной свет, бесконечное раскладывание пасьянса успокаивали ее растрепанные нервы, дарили ощущение умиротворения, как уютное пуховое одеяло. И она нежилась в тепле послеполуденных часов, по три-четыре раза раскладывая карты, выпивая по три-четыре чашки чая. И пока ждала, когда в прихожей раздастся знакомое шарканье ног, мыслями переносилась в прошлое, и ей казалось, что она купается в теплой влаге летних месяцев давно минувших лет. Воображение рисовало сутолоку или далекое мерцание медленно движущегося потока на крутых подъемах и впадинах Норт-Чарльз-стрит; почти высохший фонтан с корабликом на Юто-плейс, который виден из фасадных окон дома Хасси, сложенного из бурого песчаника; прослой горных пород розового цвета, издающие запах жара, на краях оврага; мачты маленьких суденышек и барж; мерцание одинокой машины на мосту; окна ателье с раскаленными на солнце чистыми стеклами и шторы с кисточками в каком-то клубе; дремлющие ступеньки маленьких ночных баров; желто-розовые интерьеры кафе, куда она заходила с Хасси в свою бытность школьницей. Или, если дул сильный ветер и головная боль еще не вернулась, она ощущала слабый солоноватый запах Чесапикского залива, вспоминая, как скользила по его водам на двенадцатифутовом шверботе своего кузена или на папиной моторной лодке; улавливала звуки и ароматы субботних дней, давно унесенных на волнах времени в далекое прошлое, когда у нее, хрупкой кокетки, от волнения носом шла кровь, когда она закатывала истерики, катаясь по газону Монокаси, изрыгала свою ярость на слуг,

улещивала отца, чтобы тот купил ей какие-нибудь дурацкие игрушки; ждала, что ей внезапно повезет и в нее влюбится аристократ, что она будет помолвлена с богачом, выйдет замуж за знаменитость, родит мальчика и девочку, которых будет модно одевать в голубое и розовое и отдавать заботам нянек, а сама будет вести светскую жизнь. Все это всплывало из глубин памяти, пока она сидела на том стуле, раскладывала пасьянс и пила чай, но сами картины были столь же смутные, едва различимые, как колыхание воздуха, взбаламученного случайным порывом ветра, который дул где-то в десяти милях от нее. И если вдруг эти воспоминания обрели четкость на радужной бахrome ее сознания, она кусала губу, краснела, возможно, злясь на своего снисходительного отца за то, что он отдал ее в жены тому, кому отдал, злясь на себя за собственную слабость.

«Сейди была леди, — внезапно произносила Хенни, нарушая тишину безмолвия, и добавляла: — Хм-м!» или: «Попадись мне такая фифа, утопила б еще шенком». К тому же она до сих пор не могла забыть унижение от того, что ее имя пять или шесть лет фигурировало в списке «завидных невест», который печатали в старом светском календаре, а в итоге она вышла замуж за скучного чиновника самого мелкого пошиба, который не имел высшего образования, на службу в госорганы попал благодаря незначительному опыту работы в Комитете по охране природы штата Мэриленд и своему поразительно быстрому карьерному росту был обязан влиянию ее отца в правящих кругах.

Вскоре в дом влетал запыхавшийся Эрни, ее любимец, и с ходу спрашивал:

— Появлялась, да, ма?

Хенни еще и поэтому здесь сидела. Бывало, пока она раскладывала пасьянс или кропотливо штопала, какая-нибудь маленькая мышка прошмыгивала мимо или даже смело останавливалась и пытливо смотрела на нее. Хенни, спокойно глянув на заостренную мордочку маленького чудовища, продолжала заниматься своим делом, а мышка, притворившись, будто убежала, перемещалась к другой ножке стола или стула и все с тем же неизменным любопытством наблюдала за ней. Жившие у них мыши всегда были сыты. Они регулярно